

За те пять дней, что Ли Мэн провел взаперти в дровяном сарае, лязг открывающегося замка стал для него самым ожидаемым звуком на свете. Потерев припухшие веки, он с недоумением уставился на дверь.

— Младший брат... — раздался вкрадчивый, нарочито приглушенный шепот Цюй Линьханя.

— Еще даже не рассвело... Как ты здесь оказался? — прошептал Ли Мэн.

Слова словами, но поднялся он без промедления. Однако колени после стольких дней в тесной, едва ли больше ладони камерке затекли и не держали. Ноги подкосились, и не подхвати его вовремя Цюй Линьхань, Ли Мэн растянулся бы прямо на грязном полу.

— Вся Башня ушла на похороны. Охранника я вырубил. Живее, переодевайся, — безапелляционно скомандовал Цюй Линьхань и швырнул ему увесистый сверток.

Внутри оказался чистый черный дорожный доспех — сшитый точно по фигуре, явно из его собственного гардероба. Быстро затягивая пояс, Ли Мэн спросил:

— Учитель тоже ушел?

— Да. Все, кто имеет хоть какой-то вес в Башне. Остались только те, кто не замаран в «темных» делах.

Иными словами, все мастера Башни Десяти Направлений, посвященные в тайные, грязные промыслы Башни, сейчас сопровождали траурную процессию к утёсу Разрубленного Дракона. Когда-то, когда тот странный человек расспрашивал его, Ли Мэн действительно подумывал заманить его туда — на утёсе полно смертоносных ловушек, из которых чужаку живым не выбраться. Но в итоге проиграл он сам, так что и сокрушаться не о чем.

— Уходим прямо сейчас?

— А ты хочешь дождаться Нового года? — фыркнул Цюй Линьхань.

Он скользнул вперед, бдительно озираясь по сторонам, и время от времени делал Ли Мэну знаки следовать за ним, едва убедившись, что путь чист.

Им попались лишь четверо слуг, обделенных воинским талантом, — Цюй Линьхань без лишнего шума уложил их точными бросками скрытого оружия.

Они выскользнули через черную калитку Башни Десяти Направлений. Жуйчжоу еще дремал, окутанный предрассветным туманом, раскинувшись в темноте подобно гигантскому спящему зверю.

— Погоди, — вдруг шепнул Ли Мэн.

Они как раз миновали глухой переулок, в углу которого стоял огромный чан для воды. Ли Мэн невольно зацепился за него взглядом: у каменной звериной морды на боку чана было выломано кольцо из ноздрей, да и ухо обколото. Память упрямо твердила — его родной дом где-то совсем рядом.

Цюй Линьхань мертвой хваткой вцепился в его плечо:

— Куда тебя несет?

— Я ведь вырос в Жуйчжоу. Мой дом неподалеку, хочу взглянуть, — Ли Мэн повернул голову, всматриваясь в уходящий во тьму перекресток. Он попытался разжать пальцы Цюй Линьхана, но тот держал на удивление крепко — откуда только силы взялись? Ли Мэн, покрасневший от натуги, сердито уставился на названного брата.

— Дурак, сейчас не время! — шикнул Цюй Линьхань, силой увлекая его за собой.

Они уже почти выбрались на просторную улицу, как вдруг Ли Мэн резким рывком высвободил руку. Прежде чем Цюй Линьхань успел среагировать, тот уже метнулся обратно к развилке и стремительной тенью скрылся в глубине лабиринта переулков.

Завернув за угол, Ли Мэн увидел тусклый, зыбкий свет, пробивавшийся из узкого прохода на востоке. Сделав глубокий вдох, он потер озябшие ладони — пальцы мгновенно стали влажными от волнения.

У ворот должны были стоять два огромных каменных льва. В детстве Ли Мэн едва доставал им до груди, а старший брат вечно шутил — пытался засунуть его голову в разинутую пасть хищника, хотя та туда, конечно же, не пролезала.

Позади слышался торопливый топот Цюй Линьхана, но Ли Мэн даже не обернулся, упрямо шагая вперед.

Свет от пары подвешенных фонарей оказался достаточно ярким. Каменных львов у ворот действительно не было — на их месте сиротели лишь прямоугольные каменные постаменты с грубыми следами сколотой резьбы.

Возле входа стояла самая обычная повозка, запряженная одной лошадью. Изнутри доносился тихий, прерывистый детский плач.

Молодая женщина бережно поправила изумрудное одеяльце, укрывая личико младенца и пряча внутрь крохотную ручонку, а пожилая нянька с тугим седым узлом волос на затылке поспешно затянула завязки. Молодая мать улыбнулась, ласково похлопала малыша по щеке и

что-то зашептала, укачивая его. На пороге стоял рослый мужчина. Передав ребенка няньке, женщина обняла мужа, тот помог ей подняться в повозку и остался у ворот, провожая экипаж взглядом.

Тяжело дыша от волнения, Ли Мэн решительно шагнул вперед и перехватил мужчину за рукав прежде, чем тот успел скрыться за дверью.

— Ли Мэн! — в голосе нагнавшего его Цюй Линьхана прозвучала неприкрытая угроза.

Хозяин дома изумился. Он окинул Ли Мэна недоуменным взглядом, затем перевел взгляд на запыхавшегося Цюй Линьхана и, немного успокоившись, мягко освободил свой рукав из чужих пальцев.

— Юноша, мы знакомы? Чем могу помочь?

Ли Мэн хотел заговорить, но слова словно застряли в горле. Сделав судорожный вдох, он выдавил осипшим голосом:

— Скажите... в вашем заднем дворе растет дерево хурмы?

Мужчина окончательно растерялся и нахмурился.

— Я спрашиваю, растет ли в глубине этого двора старая, дряхлая хурма?! — сорвался на крик Ли Мэн.

В глазах хозяина дома блеснуло раздражение. Он уже собирался резко ответить наглецу, но Цюй Линьхань вовремя вклинился в разговор:

— Простите великодушно почтенного господина! Моя фамилия Цюй, а это мой непутевый младший брат. Он утверждал, что когда-то знал прежних хозяев этой усадьбы, но, подойдя ближе, мы поняли, что обознались. Видите ли, мы заключили шуточное пари. Если он проиграет, ему придется нагишом тащить меня на закорках три круга по главной улице Жуйчжоу!

Собеседник окинул их недоверчивым взглядом:

— Ваша глупая забава меня не касается. Проваливайте, не то позову стражу.

Ли Мэн уставился на лакированную вывеску над воротами, где красовались два крупных иероглифа: «Поместье Чжай». Кем бы ни был этот человек и насколько бы он ни был богат, Ли Мэну было плевать. Он должен войти внутрь, и никто его не остановит.

Заметив, что Ли Мэн собирается прорываться силой, Цюй Линьхань перехватил его поперек туловища. С вежливой, но натянутой улыбкой он отвесил мужчине глубокий поклон и ловким, отточенным движением вложил ему в ладонь хрустящую серебряную банкноту.

Тот скосил глаза на бумагу при свете фонаря, и его суровое лицо мгновенно смягчилось.

— Ладно. Пусть твой брат взглянет. Но быстро — и чтобы ничего не трогал.

Не дожидаясь повторения, Ли Мэн скользнул мимо посторонившегося хозяина. Перед ним раскинулось просторное поместье из пяти соединенных дворов с вереницей аккуратных построек. Через сад протекал искусственный ручей, впадавший в большой пруд во внутреннем дворе. Из-за предрассветных сумерек вода казалась черной и непроницаемой — черепахи, которых здесь разводили, давно спрятались на самом дне.

— Да не лети ты так! — сквозь зубы зашипел Цюй Линьхань, стараясь незаметно сдерживать порыв названного брата.

— В самом последнем дворе росла огромная хурма. Там, под плоским валуном у корней, я когда-то закопал черепаший панцирь, — взволнованно шептал Ли Мэн. Он смотрел с лихорадочным блеском в глазах, он буквально наступал на пятки ведущему их слуге.

Однако в груди шевельнулось странное разочарование: почему усадьба казалась теперь такой тесной? В детстве ему чудилось, что здесь можно блуждать днями напролет, не зная усталости, а дворы казались бесконечными лабиринтами. Теперь же они миновали их в считанные мгновения.

— И где тут твоя хурма? — недоуменно спросил Цюй Линьхань.

У голой, чисто выбеленной стены сиротели деревянные качели. Чуть поодаль виднелись строительные леса незавершенной беседки, повсюду были расставлены горшки с декоративными кустами. Но ни Ли Мэну, ни его спутнику не было дела до изысков местного ландшафта.

— Черный ход в той пристройке. Прошу на выход, — высокомерно процедил слуга.

Ли Мэн подошел к качелям.

— Это качели второй барышни. Не смей трогать, еще испачкаешь или сломаешь чего доброго, — предупредил провожатый.

Ли Мэн пропустил его слова мимо ушей. Он присел на корточки: земля под качелями была намертво закатана под гладкие плиты серого камня — ни единого клочка открытой почвы, все цветы и кустарники ютились в глиняных кадках. На деревянных столбах покачивались

нарядные шелковые ленты. Легко было представить, как местная молодая госпожа взлетает здесь к самому небу, пытаясь заглянуть за высокую ограду. Но дерева не было.

Цюй Линьхань легонько толкнул побледневшего названного брата в плечо:

— Пора.

Сейчас ему было не до сантиментов: небо на востоке неумолимо светлело, а по уговору с Чжао Лои, они должны были покинуть город до рассвета.

Цюй Линьхань фактически волоком вытащил ошеломленного парня со двора. Сунив слуге пригоршню медных монет под его презрительный смешок, он вытолкнул Ли Мэна и захлопнул за ними калитку.

Ли Мэн еще какое-то время стоял как громом пораженный, затем судорожно вздохнул и резким движением сбросил державшую его руку.

— Да что с тобой такое?! — взорвался Цюй Линьхань. — Хотел посмотреть на старое гнездо — посмотрел! Искал свою чертову хурму — убедился, что ее нет! Если мы сейчас же не уберемся из города, все усилия учителя пойдут прахом!

Ли Мэн медленно поднял бледное лицо. На его скуле все еще алел свежий кровоподтек, и при взгляде на эту отметину Цюй Линьхань невольно отвел глаза.

— О каких усилиях ты говоришь? — глухо спросил Ли Мэн.

— Обыкновенных! — увильвая от прямого ответа, затараторил тот. — В Башне Десяти Направлений сейчас начнется резня, и новые заговорщики непременно захотят отыграться на тебе, чтобы якобы «отомстить» за смерть старого мастера. Здесь их логово! Только уехав из Жуйчжоу, ты спасешь свою шкуру. Учитель ведь ясно велел тебе слушаться меня во всем! Или ты решил пойти против его воли?

— Ты врешь, — отрезал Ли Мэн.

Он рванул Цюй Линьханя за ворот куртки, заставив того приподняться на цыпочки. Младший жрец смотрел с опасной решимостью.

— Учителю грозит опасность. Кто именно отправился на утёс Разрубленного Дракона? Разве он... разве он не справится с ними? Постой... сколько людей ушло туда на самом деле? Что он задумал? Ему ведь нужно было только проводить гроб старого мастера до усыпальницы и сразу вернуться! Зачем ему оставаться? У него есть другой план?

При воспоминании о том, как Чжао Лои прощался с ним накануне, как заминался на полуслове и прятал взгляд, Ли Мэна захлестнула волна паники. Не помня себя от страха, он с силой пригвоздил Цюй Линьхана к сырой кирпичной стене.

Цюй Линьхань болезненно охнул и, вперив в него злой взгляд, рявкнул:

— Да ты с ума сошел!

— Что задумал учитель? — дрожащим от напряжения голосом потребовал ответа Ли Мэн.

Горькое разочарование от разрушенного детского гнезда смешалось с внезапным пугающим прозрением. Он наконец понял: план Чжао Лои на утёсе Разрубленного Дракона — это верная смерть. Усыпальница кишит смертоносными механизмами, а половина Башни Десяти Направлений спит и видит, как бы сжить нового главу со свету. Еще перед отъездом из Линьчжоу Чжао Лои тайно встречался с Чай Цзином, а Хо Ляньюнь прямо предупреждал, что подозревает того в предательстве. В последнее время Башня потеряла слишком многих братьев, и учитель уже тогда понимал, под чью дудку пляшет изменник. Но если Чжао Лои после возвращения рискнул пойти на встречу с мятежными убийцами, значит, дело не ограничивалось одним лишь устранением Чай Цзиня.

Ли Мэн в упор смотрел на названного брата, не давая тому отвести взгляд. Цюй Линьхань густо покраснел от злости и тщетно пытался разжать стальные пальцы на своем горле.

— Я твой старший брат! Младший обязан подчиняться старшему, это закон! И вообще, с чего ты взял, что я не смогу тебя одолеть, если по-настоящему разозлюсь?!

Ли Мэн даже не слушал его пустых угроз. Мрачная, холодная догадка окончательно оформилась в его голове: Чжао Лои вычислил крысу. И, возможно, далеко не одну. Те, кто сегодня спустится с ним в подземелья утёса Разрубленного Дракона, — это предатели, сдавшие своих же братьев на убой. И все это как-то связано со Свитком Сотни Оружий.

— Скажи, — сипло выдавил Ли Мэн, — после того как твоя личность раскрылась... слухи поползли по городу?

Цюй Линьхань испуганно забегал глазами. Он лишь с удвоенной силой вцепился в запястья Ли Мэна, пытаясь вырваться, его лицо исказилось от досады.

— Учитель сам велел тебе разнести эту весть... — Ли Мэн сделал паузу, ловя ртом холодный воздух. — Теперь вся Башня думает, что ты сын Ван Ба. И более того — что Свиток Сотни Оружий уже у Чжао Лои!

Ответа не требовалось. Ужас в глазах Цюй Линьхана и его внезапно взмокшие ладони сказали Ли Мэну больше любых слов.

Ли Мэн резко разжал пальцы, отпустив воротник брата, и принялся взволнованно мерить шагами узкий переулок.

— Где повозка? Где наш экипаж?

Ли Мэн совершенно не умел ездить верхом, а путь до Наньчжоу предстоял неблизкий. Для скрытности повозку должны были спрятать неподалеку от того места, куда изначально вел его Цюй Линьхань.

— Да я как раз собирался тебя туда вести, — недовольно буркнул тот, поправляя смятый ворот, и махнул рукой в глубь переулка.

Обыкновенный крытый экипаж ждал их на перекрестке в паре кварталов отсюда. Рядом торговец разворачивал уличную лавку: с его огромного котла только-только сняли крышку, и в утренний воздух поднялся густой белый пар. Старик-офеня мазнул равнодушным взглядом по двум торопливым юношам, запрыгнувшим в повозку, и тут же переключил внимание на проходившего мимо служивого в засаленном кафтане:

— Свежие, горячие вонтоны! Не желаете ли мисочку с утра пораньше, господин стражник?

Ли Мэн бесцеремонно впихнул Цюй Линьхана внутрь крытой телеги, а сам взлетел на козлы и перехватил вожжи.

Цюй Линьхань высунулся из-за его спины, бдительно следя за дорогой. Убедившись, что они едут напрямик к городским воротам, он немного расслабился и заискивающе заулыбался:

— Слышь, младший... Ты на меня за ту ночь зла не держи, ладно? Я ведь не со зла. Нам теперь вместе бедовать, надо держаться друг друга, мы же братья по оружию... Кстати, у тебя щека как? Сильно ноет? У меня с собой отличная мазь есть...

Договорить он не успел. Телега на полном ходу заложила такой крутой вираж, что Цюй Линьхань кубарем полетел обратно в кузов. Приложившись спиной о жесткий борт, он истошно взвыл от боли.

Ли Мэн помнил слова Чжао Лои: если выехать из Жуйчжоу и держать путь строго на юг, то через десять ли у самого подножия Горной гряды Феникса покажется утёс Разрубленного Дракона. Вернее, даже не утёс, а одноименный водопад, скрывавший за ревущими каскадами глубокую пещеру. Потоки воды с грохотом обрушивались вниз, впадая в полноводную реку — ее названия Ли Мэн не помнил, да и учитель, кажется, никогда его не упоминал.

У городских ворот пришлось ненадолго задержаться. Досмотрщики лениво заглянули под навес, мазнули взглядом по затаившемуся в полумраке Цюй Линьханю и, решив, что перед ними обычные посыльные из лавки, небрежно махнули рукой:

— Проезжай.

Ли Мэн вежливо поклонился, сложив ладони под широкими рукавами, медленно вывел лошадь под уздцы за заставу и лишь на тракте вновь вскочил на козлы.

— Ну все, давай вожжи, дальше я сам, — Цюй Линьхань похлопал его по плечу. Но, заметив, что Ли Мэн упрямо разворачивает лошадь к югу, он нахмурился: — Постой, куда ты правишь? Нам нужно на восток!

Ли Мэн промолчал. Вместо ответа он с силой опустил кнут на круп лошади.

— Ты куда намылился?! — запаниковал Цюй Линьхань.

— К учителю. Вернемся за ним и уедем вместе, — отрезал Ли Мэн.

Скрывать намерения было бессмысленно — не слепой же его спутник, в конце концов. Лучше сразу расставить точки над «и». А если Цюй Линьхань попытается помешать... Пальцы Ли Мэна крепче сжали рукоять кнута.

— С ума сошел?! — закричал Цюй Линьхань, пытаясь перехватить вожжи и потянуть Ли Мэна назад за плечи. — Учитель велел нам убираться немедленно! У него все под контролем! Наше дело — выполнять приказы! А ну пусти, я сам поведу!

Хлесткий удар рукоятью кнута пришелся Цюй Линьханю прямо по костяшкам пальцев — кожа мгновенно вспухла багровым рубцом. Ли Мэн резко осадил лошадь и уставился на брата тяжелым, немигающим взглядом:

— Сворачивай шею в любую сторону. Можешь проваливать прямо сейчас, я тебя не держу. Но я еду к нему!

Шипя от боли и потирая ушибленную руку, Цюй Линьхань яростно уставился на него в ответ:

— Нет! Учитель приказал мне вытащить тебя! Он великий мастер, он справится сам! Я не стану нарушать приказ!

— Ты мне не указ, я сильнее!

— При чем тут сила, придурок?! Утёс Разрубленного Дракона — это гиблое место! Учитель не зря запретил тебе соваться туда! Он в цзянху больше лет провел, чем ты на свете живешь, неужели он глупее тебя?! С нашими жалкими навыками мы там только под ногами путаться будем! Что, кулаки чешутся? Давай, бей! Кроме меня, ты кого-нибудь вообще победить способен?! Да хоть до полусмерти меня избежь, я тебя на погибель не пущу!

Договорить он не успел — крепкий кулак Ли Мэна впечатался ему прямо в переносицу. Цюй Линьхань отлетел назад, больно стукнувшись головой о деревянный настил повозки. Перед глазами заплясали кровавые искры, а из разбитого носа хлынула теплая кровь.

Кое-как поднявшись на ноги и утирая лицо рукавом, Цюй Линьхань увидел, что Ли Мэн уже вовсю распрягает лошадь. Он в ужасе бросился вперед, пытаясь перехватить постромки:

— Ты что творишь?!

— Отвяжись! — неистово рявкнул Ли Мэн.

Лошадь уже была освобождена от упряжи и теперь лишь удивленно косилась на расходившихся юношей своими влажными умными глазами. Ли Мэн тяжело вздымал грудь, глядя, как сквозь пальцы зажимающего нос Цюй Линьханя сочится алая струйка.

— Забирай коня и поезжай в Наньчжоу. Жди нас там, мы приедем вместе с учителем, — быстро заговорил Ли Мэн, залезая за пазуху. Он отсчитал три крупные купюры, помедлил и добавил четвертую. — Доберешься до Наньчжоу, а там...

Тут он осекся, сообразив, что Цюй Линьхань никогда не бывал в Обители праздных и просто не найдет дорогу. Ли Мэн в замешательстве нахмурился.

— Да какой же ты упрямый осел! — Цюй Линьхань выхватил у него банкноты и со всей силы хлопнул ими Ли Мэна по щеке. — Пойми ты своим куриным умом: мы там станем обузой! Гирями на его ногах! Ему придется защищать нас, из-за этого он скорее подставится! Когда ты наконец повзрослеешь?!

Ли Мэн упрямо сжал губы. Возразить было нечего, и от этого его лицо потемнело еще сильнее.

— Если ему суждено погибнуть, я хочу умереть вместе с ним.

Ли Мэн развернулся, намереваясь продолжить путь пешком, но Цюй Линьхань с неожиданной яростью рванул его назад за плечи. Не давая опомниться, он обхватил его голову руками, отклонился назад и со всей силы боднул Ли Мэна лбом в лоб.

Ли Мэн на секунду просто ослеп. В ушах протяжно, невыносимо зазвенело, а голову прошила такая дикая боль, словно череп раскололся надвое.

— Да ты, блядь, себя каким-то важным господином возомнил?! Думаешь, умереть за такого мастера — это великая честь, которой ты достоин?! Не много ли на себя берешь, сученыш?! — Цюй Линьхань отвесил ему пару легких, но обидных пощечин тыльной стороной ладони. Его самого порядочно штормило, ноги подкашивались, но он упрямо тыкал пальцем Ли Мэну в лицо: — Хрен тебе, а не героическая смерть! Да я тебя лучше сам здесь до полусмерти забью,

но на верную гибель не пущу! Ну давай, убей меня! Прирежь собственного брата, и катись на все четыре стороны! Ну же, давай!

Ли Мэн застыл, ошарашенный этим яростным криком. Он стоял посреди дороги с багровым пятном на лбу и тяжело дышал. Посмотрев на брызжущего слюной брата, затем — в сторону далекой, скрытой утренней дымкой Горной гряды Феникса, Ли Мэн шумно шмыгнул носом. На глазах его выступили слезы бессилия.

— Ну что ты застыл, сука, бей меня! — покачиваясь, Цюй Линьхань снова ткнулся ему прямо в грудь.

Они стояли друг напротив друга — оба с тяжелым, прерывистым дыханием, с налитыми кровью глазами. Наконец Ли Мэн прикусил губу, и его плечи бессильно опустились.

— Запрягай обратно, — тихо выговорил он.

— Давай, прибей меня, хоть мучиться не буду, глаза бы мои тебя не ви... — Цюй Линьхань осекся на полуслове, и на его окровавленном лице проступило дикое удивление. — Что ты сказал, младший?

Ли Мэн лишь устало вздохнул.

Поняв, что победа за ним, Цюй Линьхань хотел было победно хлопнуть себя по лбу, но тут же взвыл от боли в собственной шишке. Широко ослабившись, он весело побежал запрягать коня. Ли Мэн почувствовал, как из него разом улетучились все силы. Он тяжело опустился на придорожный валун.

— Шевелись, залезай! — крикнул Цюй Линьхань.

В этот миг из-за горизонта хлынули первые лучи утреннего солнца, заливая мир ослепительным золотом. Белесый туман лениво уползал в низины, обнажая далекие очертания горных вершин. Ли Мэн нехотя поднялся и залез в повозку. Привалившись затылком к жесткой стене кузова, он прикрыл глаза. В памяти упрямо всплывали его собственные клятвы о том, что он будет послушно ждать Чжао Лои.

«Легко сказать — жди. Оказалось, нет ничего мучительнее этого неведения. И как я только согласился?»

Он осторожно коснулся пальцами огромной шишки на лбу и тихо выругался сквозь зубы.

Цюй Линьхань, паршивец, приложил его на совесть — в голове теперь все мысли окончательно превратились в кашу.

<http://bllate.org/book/18266/1825796>